

© 2009 г.

Е.М. МЯГКОВА

КАК СОЗДАВАЛСЯ МИФ О ВАНДЕЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

“Стычка колоссов, свара титанов, неслыханный по своим масштабам мятеж, которому было суждено оставить в истории лишь одно имя – Вандея, знаменитое, но черное имя”, – писал Виктор Гюго в 1874 г.¹ Став одной из самых трагических страниц Французской революции, это событие на протяжении двух с лишним столетий неизменно привлекает внимание историков. “Война темных людей, война нелепая и блистательная, отвратительная и великолепная подкосила Францию, но и стала ее гордостью. Вандея – рана, но есть раны, приносящие славу”². Не удивительно, что научные дебаты фокусируются в основном на причинах этого крестьянского движения эпохи французской революции³.

В масштабном историографическом споре были сформулированы основные концепции, выводившие его либо из столкновения материальных интересов (“восстание нищеты”)⁴, либо из антагонизма город – деревня (“культурный дуализм”)⁵. Однако приводимые авторами факты свидетельствуют о различиях в социальной базе восставших (бедные или богатые в зависимости от региона), с одной стороны; о слабой дифференциации между горожанами и сельчанами, – с другой⁶. Увлечение религиозной проблематикой в 80-е годы XX в. способствовало складыванию альтернативного подхода: война на Западе Франции стала рассматриваться как отрицание гражданского законодательства новых властей. Слабая деchristианизация, культурное отставание, недостаточная урбанизация и отсутствие крупной промышленности благоприятствовали климату религиозного традиционализма⁷.

Мягкова Елена Михайловна – кандидат исторических наук, докторант Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры истории и географии зарубежных стран Московского государственного лингвистического университета.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09-01-00463а).

¹ Гюго В. Девяносто третий год. М., 1988, с. 201.

² Там же, с. 186.

³ См.: *Блуменау С.Ф.* Современная французская историография Вандеи и Шуанерии. – Новая и новейшая история, 1992, № 1, с. 223–237.

⁴ *Faucheux M.* L'insurrection vendéenne de 1793: aspects économiques et sociaux. Paris, 1964.

⁵ *Bois P.* Les paysans de l'Ouest: des structures économiques et sociales aux options politiques depuis l'époque révolutionnaire dans la Sarthe. Le Mans, 1960; *Tilly Ch.* The Vendée: A Sociological Analysis of the Counter-Revolution of 1793. Cambridge, 1964.

⁶ *Petitfrère Cl.* Les Vendéens d'Anjou 1793: analyse des structures militaires, sociales et mentales. Paris, 1981.

⁷ *Tackett T.* La Révolution, l'Eglise, la France. Le serment de 1791. Paris, 1986; *Viguerie J. de.* Christianisme et la Révolution. 5 leçons d'Histoire de la Révolution. Paris, 1986; *Pierrard P.* L'Eglise et la révolution 1789–1889. Paris, 1988; *Vovelle M.* La Révolution contre l'Eglise. De la Raison à l'Être Suprême 1793. Bruxelles, 1988; *Fauchois Y.* Religion et la France révolutionnaire. Paris, 1989.

И все же ни одна из закономерностей не вела с неизбежностью к кровавой развязке. Они создали контекст, благоприятствовавший росту недовольства; но возможно ли привести его в движение, если “каузальное” воздействие не “подготовлено, поддержано или обусловлено другими факторами, которые идут от человека?”⁸ В полной мере отдав дань поискам объективных причин⁹, в данной статье автору хотелось бы показать как вмешательство субъективного начала и даже случайных обстоятельств обратили обычное крестьянское восстание в символ “врага революции”, придав ему масштабы почти вселенского зла. “Нельзя до конца понять Вандею, – писал В. Гюго, – если не дополнить историю легендой; история помогает увидеть всю картину в целом, а легенда – подробности. Признаемся же, что Вандея стоит такого труда. Ибо Вандея – своего рода чудо”¹⁰.

* * *

“Военная Вандея”, или религиозно-политический конгломерат жителей, взявшихся за оружие в марте 1793 г., занимает территорию, которая выглядит на карте как неправильный четырехугольник. Его стороны образуют Атлантический океан, Луара, линии Сомюр – Туар – Партенэ, Фонтене-ле-Конт – Люсон – Сабль д’Олонн. Это около 140 км с востока на запад, около 100 км с севера на юг. Границы его никак не совпадают ни с прежними провинциями (Анжу, Пуату, Бретань), ни с современными департаментами (Вандея, Дё-Севр, Нижняя Луара, Мен и Луара)¹¹. В результате территория скорее разделяла повстанцев, чем сплачивала.

По мнению французских историков, представляющих школу “Анналов”, разнообразие – характерная черта Франции. Для Л. Февра разнообразие – имя Франции, для Ф. Броделя – ее суть. В руках исследователей единая страна рассыпается на множество Франций, “готовых со спокойной душой разъединиться и забыть друг о друге”¹². Просвещенным современникам она представлялась лишь “мозаикой”, части которой обладают заметной независимостью, даже если входят в одно политическое и религиозное целое. Привычные “провинции” не имели юридического статуса и отличались крайней расплывчатостью. Границы финансовых (генеральства), военных (губернаторства), судебных (бальяжи и сенешальства), церковных (диоцезы) округов не совпадали и пересекались между собой в удивительном беспорядке¹³. Микроклимат, специфика хозяйствования, семейной структуры и социальных отношений, связь города и деревни, бесчисленные диалекты (патуа) предстают взору скорее совокупностью областей (*pays*). “Единой Франции не существует”, – утверждал Ф. Бродель, не существует и единых провинций. Перед нами – несколько Бретаней, Провансов, Бургундий, Лотарингий и Эльзасов. Те и другие находятся одновременно на нескольких уровнях: “своего рода пирамиды, вершиной которых является единичное, в основании же покоится множественное”¹⁴. “Военная Вандея” – это три провинции, четыре департамента или десяток краев?

Политики и военные, столкнувшиеся с упорным и продолжительным сопротивлением крестьян, находили оправдание своим неудачам в преимуществах самой территории с ее пролесками (Бокаж) и непроходимыми болотами (Маре). По мнению генерала Л.-М. Тюрро, возглавлявшего Западную армию в декабре 1793 – феврале 1794 гг.,

⁸ Блок М. Апология истории, или ремесло историка. М., 1973, с. 18.

⁹ Мягкова Е.М. “Необъяснимая Вандея”: сельский мир на Западе Франции в XVI–XVIII вв. М., 2006.

¹⁰ Гюго В. Указ. соч., с. 186.

¹¹ Восточная часть бывшей провинции Пуату стала Вьенной, центральная – Дё-Севр, западная – Вандеей; на территории Анжу образовался департамент Мен и Луара, на территории Бретани – Финистер, Кот-д’ю-Нор, Иль и Вилен, Морбиан, Нижняя Луара (или Атлантическая Луара).

¹² Бродель Ф. Что такое Франция? т. 1. М., 1994, с. 23.

¹³ Mentelle M. Méthode courte et facile, pour apprendre aisement, et retenir sans peine la nouvelle Géographie de la France. Paris, 1791, p. 9–32.

¹⁴ Бродель Ф. Указ. соч., т. 1, с. 26, 32–33.

болота были “естественными укреплениями, делающими атаки очень опасными и, следовательно, помогающими защите, особенно местного населения. Здесь мало дорог, пригодных для телег; большинство из них лишь тропинки, приспособленные к передвижению ослов с поклажей и соединяющие два канала”¹⁵. Бокаж – “сильно пересеченная местность, хотя в ней нет больших рек; очень неровная, хотя в ней нет гор и очень закрытая, хотя в ней мало лесов, а часто встречающиеся рощи имеют в целом среднюю протяженность. Она очень неровная и очень пересеченная оттого, что здесь много холмов, небольших долин, оврагов, маленьких рек, почти всегда преодолеваемых вброд, даже ручьев, которые переходят, не замочив ног, но при малейшем дожде обращающихся в потоки”¹⁶.

Описанная местность предопределила появление специфической тактики, вбирающей в себя две противоположные традиции эпохи. С одной стороны, регулярные кампании, битвы на открытом пространстве с хорошо обученными и держащими строй солдатами (“школа Фридриха II”), с другой, – лесные партизанские отряды, незаменимые для внезапных атак, засад и других сюрпризов (шуанерия). Крестьянское воинство умело “мгновенно собрать свои силы и тут же рассыпаться по кустам”¹⁷. Именно эта особенность разводила современников в разные стороны при оценке Вандейской войны: одни воспринимали восставших как самостоятельный отряд в профессиональной армии эмигрантов¹⁸, другие – как шуанов. Обе оценки были ложными: англичане и бретонцы не поддерживали Вандею в самый кризисный ее момент. Тем, кто привык к строгому единоначалию главнокомандующего, она казалась слишком аморфной; а тем, кто укрывался “в своих кустах или в своем овраге”¹⁹, – слишком обременительной. Нередкое в современной научной литературе отождествление Вандеи и шуанерии не находит необходимого географического подтверждения. Если лес является главным “сообщником мятежа”, то предпочтение пересеченной местности Бокажа и Маре тем густым массивам, которые окружали территорию восстания, подступая к ее границам (близ городов Шоле, Фонтене, Нант, Леже, Машкуль), необъяснимо, как, впрочем, и отсутствие бунтарских настроений в самых “зеленых” природных районах Франции (юго-восток Парижского бассейна).

Остается, наконец, и другой немаловажный вопрос: почему гражданская война получила название Вандейской. Этот выбор нельзя объяснить тем, что она началась в Вандее, а потом распространилась на соседние департаменты. Декрет 24 февраля 1793 г. о единовременном наборе в армию 300 тыс. человек вызвал широкий крестьянский протест сразу в четырех регионах страны: северо-западном (девять департаментов Бретани и Нормандии), “вандейском”, восточном (Ду, Кот д’Ор, Об, Нижний Рейн) и южном (четырнадцать департаментов – от Роны и Луары до Жиронды), в целом более трети всех департаментов Франции²⁰.

Внутри “вандейского” очага мятеж вспыхнул практически одновременно по всей территории: 11 марта 1793 г. был взят город Машкуль в Нижней Луаре, на следующий день – Сен-Флоран-ле-Вьей в Мен и Луаре, Тиффож в Вандее. 13–14 марта все города бретонского Маре и Бокажа оказались в руках восставших²¹. Показательно, что со-

¹⁵ Turreau L.-M. Mémoires pour servir à l’histoire de la guerre de la Vendée. Paris, 1992, p. 15.

¹⁶ Ibid., p. 22.

¹⁷ Юго В. Указ. соч., с. 213.

¹⁸ “Только безумный человек, – говорил Робеспьер, – только тот, кто не знает политической азбуки, не видит связи, существующей между мятежниками и деятелями Кобленца. Вандейская армия есть лишь отряд армии Кобурга”. – Робеспьер М. О мерах общественного спасения. Речь в Обществе друзей свободы и равенства 8 мая 1793 г. – Робеспьер М. Избранные произведения, т. 2. М., 1965, с. 333.

¹⁹ Юго В. Указ. соч., с. 212.

²⁰ Histoire contemporaine de la France, t. 2. Paris, 1911, p. 75.

²¹ La Vendée des origines à nos jours. La mise en œuvre de l’ouvrage a été assurée par J.-L. Sarrazin. Saint-Jean-d’Angély, 1982, p. 265; Документы истории Великой французской революции, т. 2. М., 1992, с. 245–249.

временники событий говорили о несоответствии исторических фактов прилагаемому к ним Конвентом названию. Член департаментской администрации А.-Ш. Мерсье дю Роше утверждал: “Так называемая Вандейская война началась не в этом департаменте. Она была продолжением волнений в Морбиане. Она соответствовала тщательно подготовленному плану, ибо 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 марта 1793 г. разбойники взялись за оружие одновременно в Дуэ, Шемийе, Сен-Флоран, Шоле департамента Мен и Луара; в окрестностях Бреста и Ванна; в Клиссоне, Машкуле, Ансени, Пэмбёфе департамента Нижней Луары; в Шаллане, Эрбье, Монтэгю, Уа департамента Вандея”²². Анализируя итоги миссии 1794 г., комиссар Конвента М.-А. Жюльен признал, что очаг мятежа “находился в Нижней Луаре и, точнее, в Брессюире, Дё-Севр... Эта ошибка имени стала фатальной для Вандеи: недоброжелатели и предатели воспользовались этим, чтобы излить на нее весь свой контрреволюционный гнев”²³.

Не идентифицировали себя с Вандеей и сами повстанцы. Их силы – “Католическая и королевская армия” – были разделены по “географическому” признаку, хорошо согласующемуся с местническим духом и клановыми, кровнородственными связями крестьянского воинства: Армия Анжу, или Великая армия, Армия Центра, Армия Верхнего Пуату, Армия Нижнего Пуату. Описанный принцип гораздо более напоминал старую феодальную систему доменов, а потому не столько объединял усилия восставших, сколько порождал соперничество, зависть и даже вражду.

Нельзя сказать, что крестьянская война стала называться Вандейской потому, что сведения о беспорядках в одноименном департаменте достигли Парижа раньше других. Название мятежного края впервые было произнесено в Конвенте 18 марта 1793 г. Однако даже в представлениях депутатов речь шла о волнениях и заговорах “почти во всех частях республики”²⁴. Ни одно из донесений не содержало сведений исключительно о Вандее, напротив, перечислялись несколько очагов восстания: Дё-Севр, Нижняя Луара, Майенн и Луара, Морбиан²⁵. При внимательном чтении депутатских отчетов создается впечатление, что среди бретонских и луарских областей Вандея была лишь конечным звеном в цепи антиреволюционных выступлений. Так, военный министр П. Бёрнонвиль получил из Ла-Рошели сообщение об “ордах взбунтовавшихся злодеев”, *нахлынувших* в департамент Вандея. Комиссар Конвента Ж. Ниу писал о бедствии, “распространившемся *вплоть до* департамента Вандея”²⁶ (курсив мой. – Е.М.). Следовательно, должна была существовать дополнительная причина, по которой общественное мнение связало крестьянскую войну с Вандеей.

Принимая во внимание, что “заговорщики уже имели успех в бывшей Бретани”²⁷, 19 марта 1793 г. Конвент утвердил закон о наказаниях бунтовщиков²⁸. На борьбу с возникшими беспорядками были выдвинуты регулярные войска. Парижский обыватель не переоценивал боевые качества национальной гвардии, но твердо верил в силу профессиональной армии и надеялся, что 2250 солдат генерала Л. де Марсе “выметут”

²² Chassin Ch.-L. La préparation de la Guerre de Vendée, t. 2. Paris, 1892, p. 312.

²³ Jullien M.-A. Rapport sur la guerre de la Vendée. – Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 317, оп. 1, д. 353, л. 1. Отчет составлен на основании свидетельства Перро и Барбетта. См.: Observations faites à Jullien par Perreau et Barbedette, dépêchés par la Société populaire de Fontenay-le-Peuple (27.02.1794). – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 298.

²⁴ Об этом последовательно говорили Ж.-Д. Ланжюине и Б. Бапер. См.: Gazette Nationale, ou Moniteur universel (далее – Moniteur), № 78–79 (19–20 mars 1793). – Réimpression de l’Ancien Moniteur depuis la réunion des Etats Généraux jusqu’au Consulat (mai 1789 – novembre 1799), t. 15. Paris, 1854, p. 733, 739.

²⁵ Ibid., p. 731, 735, 739, 743–744.

²⁶ Ibid., p. 735.

²⁷ Ibid., p. 733.

²⁸ Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 251.

злоумышленников²⁹. 17 марта 1793 г. генерал Л. де Марсе взял город Шантонне, но через два дня под Сен-Венсаном потерпел сокрушительное поражение из-за роковой случайности. Поджидая врага, республиканцы внезапно слышали звуки “Марсельезы”. Приняв ее за боевой марш обещанного властями подкрепления, они оказались в окружении крестьянского воинства, распевавшего:

О, рать католиков, вперед,
Настал день нашей славы!
На нас Республика идет,
Поднявши стяг кровавый!
Вам слышны ли среди полей
Безбожных нечестивцев крики?
Они идут, зловеще дики,
Взять ваших жен и дочерей!
К оружию, дети Пуату! Смыкайтесь в ряды вы!
Вперед! Пусть кровью Синих обогрятся ваши нивы!³⁰

В стгушавшейся атмосфере шпиономании разгром республиканцев генерала Л. де Марсе стали воспринимать как измену³¹. Потакаемый преступными действиями трусливых представителей в миссии, “самолично подавших сигнал к бегству”, генерал Л. де Марсе якобы совершил первый акт предательства, бросив департамент Вандея на милость “разбойников” и “обратив восстание в гражданскую войну”³². 27 марта, выступая в Национальном конвенте, М. Робеспьер описал тяжелое положение республики и обвинил присутствующих в попустительстве: “Неужели вы не задумаетесь над тем, что такие факты слишком часто совершались именно тогда, когда над родиною нависла большая опасность, что ареною этих преступлений являются приморские департаменты, куда безнаказанно призывают англичан, где безнаказанно сражаются с именем короля на устах и где мятежники осмеливаются предлагать условия заключения мира”³³.

Через несколько дней после этого генерал Ш.-Ф. Дюмуре, главнокомандующий северной армии, перешел на сторону австрийцев. Известия об измене генерала стали подтверждением идеи о всеобщем заговоре против революции³⁴. Столь обширный контрреволюционный план, разумеется, не мог быть выработан без тайного сговора с частью Конвента. В последнем, по мнению Ж.-П. Марата, находился “очаг всех заговоров против отечества”³⁵ во главе с Ж.-П. Бриссо, М.-Э. Гаде, П.-В. Верньо и другими видными жирондистами. “Влиятельная клика находится в заговоре с тиранами Европы, – продолжал эту мысль М. Робеспьер, чтобы навязать нам короля с какой-нибудь аристократической конституцией. Она надеется принудить нас к такой позорной сделке при помощи иностранных армий и посредством внутренних волнений. Такая тактика выгодна английскому правительству, она выгодна Питту, который является душою всей

²⁹ *Moniteur*, t. 15, p. 735.

³⁰ *Аббат Люсон Р.-Ш.* Повстанческая “Марсельеза”. – *Документы истории Великой французской революции*, т. 2, с. 250.

³¹ *Vovelle M.* Mentalité révolutionnaire. Société et mentalité sous la Révolution française. Paris, 1985, p. 63.

³² *Observations faites à Jullien par Perreau et Barbedette; Observations des mêmes, présentées à Jullien* (27.02.1794). – *РГАСПИ*, ф. 317, оп. 1, д. 298–299.

³³ *Робеспьер М.* О положении страны. Речь в Национальном конвенте 27 марта 1793 г. – *Робеспьер М.* Избранные произведения, т. 2, с. 269.

³⁴ См. речи М. Робеспьера: “Против Бриссо и жирондистов. Речь в Национальном конвенте 10 апреля 1793 г.”, “По поводу измены Дюмуре. Речь в Обществе друзей свободы и равенства 29 марта 1793 г.”, “О сообщниках Дюмуре. Речь в Национальном конвенте 3 апреля 1793 г.” – *Робеспьер М.* Избранные произведения, т. 2, с. 272–273, 283, 302.

³⁵ *Марат Ж.-П.* Полное разоблачение измены Дюмуре и его сообщников вожаков клики государственных людей, Бриссо, Бюзо, Гаде, Жансонне, Верньо, Ласура, Кондорсе и др. – *Марат Ж.-П.* Избранные произведения, т. 3. М., 1956, с. 281–282.

этой лиги”³⁶. Франция, таким образом, окружена тройным кольцом врагов: интервенты на границах, “вандейцы” в департаментах, жирондисты в Париже³⁷.

Жирондисты, разоблаченные в развязывании губительной военной авантюры, обвинялись якобинцами, агитаторами с улиц, активистами секций и народных обществ в намеренном саботировании социально-экономических проблем (дороговизна, обесценение ассигнатов и др.), ибо придерживались священного принципа “уважения к собственности”³⁸. Спекулянты же, по мнению главного редактора еженедельника “*Révolutions de Paris*” С. Марешаля, старались не только ради наживы, но и ради того, чтобы вызвать недовольство народа, посеять раздор в лагере патриотов, спровоцировать крестьянские восстания и потопить их в крови. Они действовали в интересах контрреволюции³⁹. 25 мая 1793 г. город Фонтене стал первым департаментским центром, над которым взвилось белое знамя роялизма⁴⁰. Потеря старейшего культурного центра и республиканской “столицы” Вандеи переплелось с последовавшим через несколько дней падением жирондистов, закрепив за гражданской войной на западе страны ее символическое название.

* * *

Для современников было очевидно, что восстание было крестьянским по своему характеру. Однако народ с первых же шагов революции являлся одновременно ее главной движущей силой и поэтическим символом. Работа нового законодательства, свершавшаяся, по искреннему убеждению депутатов всех ассамблей (Генеральных штатов, Учредительного и Законодательного собраний, Конвента), во благо нации, теоретически делала невозможным столь широкое протестное движение “снизу”. Не в силах соединить в своем сознании контрреволюцию с народным началом – особенно в самый демократический якобинский период – представители власти находились перед настоятельной потребностью объяснения причин Вандейских событий.

Возникшая коллизия объяснялась как коварный “обман” и чудовищное “заблуждение”⁴¹. “Враги общественного блага, – предупреждали еще в 1791 г. офицеры национальной гвардии Апремона, – постоянно стремятся использовать все средства, которые может подсказать их дьявольский ум, дабы нарушить самый гармоничный мир, с давних пор царствовавший у наших очагов”⁴². Действительно, дворяне и неприсягнувшие священники, якобы подогревавшие среди сельских жителей “мрачный фанатизм”, объявлялись важнейшей причиной “помешательства”. Первые известия о протестных выступлениях на западе страны сопровождались именно таким объяснением⁴³.

Член генерального совета департамента Вандея открыто писал о священниках, собиравших “обманутых крестьян”, призывая их “умереть за дело восстановления религии их отцов; они указывали им на небесный венец – награду за этот крестовый поход; они благословляли их оружие и пели им церковные песнопения, разъяряя ряд текстов

³⁶ Робеспьер М. Против Бриссо и жирондистов, с. 289.

³⁷ С этого момента начинается кампания по организации революционной армии, цель которой – борьба с внутренней контрреволюцией как в Париже, так и в провинциях. См.: Обращения и постановления Парижской коммуны по поводу событий в Вандее. – Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента (1792–1794). Сборник документов и материалов. М., 1926, с. 650–653; Робеспьер М. О создании революционной армии. Речь в Обществе друзей свободы и равенства 12 мая 1793 г. – Робеспьер М. Избранные произведения, т. 2, с. 332–334, 352.

³⁸ Робеспьер М. Избранные произведения, т. 2, с. 357–359; Гордон А. В. Падение жирондистов. Народное восстание в Париже 31 мая – 2 июня 1793 г. М., 1988, с. 45–60.

³⁹ Кучеренко Г. С. Великая французская революция в оценках С. Марешаля и Сен-Симона. – Кучеренко Г. С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии XVI – первая половина XIX в. М., 1981, с. 222–223.

⁴⁰ Observations faites à Jullien par Perreau et Barbedette. – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 298.

⁴¹ Из письма прокурора-синдика дистрикта Ле Сабль-д’Олонн администраторам департамента Вандея (24 января 1793 г.). – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 241–242.

⁴² Протокол, направленный в дистрикт Шаллан (департамент Вандея) командиром и офицерами национальной гвардии Апремона (25 апреля 1791 г.). – Там же, с. 232.

⁴³ Moniteur, t. 15, p. 733, 735, 739.

из Священного писания, которые, по их словам, предсказали все происходящее”. В самом начале главами движений нередко были старые солдаты или стражники; дворяне же ждали, чтобы “события вылились во что-нибудь определенное”. Увидев в действиях крестьян поразительную непоколебимость, “которая могла быть только следствием фанатизма”, и свидетельством твердого намерения сражаться, они “заставили уговорить себя взять командование”⁴⁴.

В концепции дворянско-клерикального заговора священникам отводилась решающая роль. Когда 24 июля 1791 г. в связи с широким недовольством по поводу декрета о гражданском устройстве духовенства 1790 г. Национальное собрание уполномочило Ж.-А. Галлуа и А. Жансонне “изучить причины волнений в Вандее и принять необходимые меры для восстановления порядка”, гражданские комиссары совершили в июле-августе поездку по департаменту, предлагая местным властям представить собственное мнение о происходящих событиях. Доклад в Ассамблее 9 октября 1791 г. красноречив как по тону, так и по содержанию. “Религия местного населения, то есть религия в том виде, в каком она им осознается, сделалась для него самой сильной и так сказать, единственной моральной привычкой в его жизни. Наиболее ощутимым объектом этой религии является культ икон, а служитель этого культа, в котором деревенские жители усматривают раздатчика небесных милостей, который, по их убеждению, способен жаром своих молитв унимать капризы природы, и который, наконец, держит в своих руках ключи от загробного мира, – пользуется самой нежной привязанностью сельского населения. Привязанность населения департамента Вандеи к утвердившимся здесь религиозным проявлениям, безграничное доверие, которым пользуются священники, живущие в деревне, – вот главные элементы волнений, проявившие свое действие раньше и способные вызвать беспорядки в дальнейшем”⁴⁵.

Это наблюдение нуждается в уточнении. Кюре при всех своих немаловажных функциях был далек от абсолютной гегемонии над приходом. Почитая крестьян “своим народом”, священник одновременно был и пастырем, и “рабом своей паствы”. Процедура клятвы служителей культа на верность Конституции по условиям декрета о гражданском устройстве духовенства стала своеобразным “индикатором” отношения населения к делу революции. Разочарованные действиями властей в вопросе налогообложения и землепользования, крестьяне не скрывали своей враждебности к тому, что шло от “буржуазного” города. Выбор местного пастыря, следовательно, оказывался проблемой “политического” альянса: “Если кюре даст присягу, мы всадим ему три пули в голову”⁴⁶. Позиция прихожан переворачивала иерархию соподчиненности, казавшуюся революционерам очевидной, и делала священника не инициатором, а невольным последователем “низового” протеста.

Роль дворянства в контрреволюционной агитации среди крестьян была, по мнению республиканских властей, намного слабее. “Они положительно не имеют генералов, – писал в своем отчете Комитету общественного спасения генерал А.-Л. Бирон, отправленный в Вандею для восстановления порядка, – непохоже, чтобы среди них были иностранные офицеры или эмигранты. Главные предводители – дворяне, бывшие земельные собственники этих мест; они независимы друг от друга, хотя и объединяются время от времени, и от их влияния в различных кантонах очень зависит сила их армий”⁴⁷. Главной причиной раскола была дворянская спесь. Предводители анжуйцев

⁴⁴ Отрывок из мемуаров Дю Роше. – Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента, с. 648–649.

⁴⁵ Доклад Ж.-А. Галуа и А. Жансонне, гражданских комиссаров, посланных в департаменты Вандеи и Дё-Севр на основании декретов Учредительного собрания, сделанный в Законодательном собрании 9 октября 1791 г. – Документы истории Великой французской революции. М., 1990, т. 1, с. 396, 402.

⁴⁶ Цит. по: *Petitfrère Cl. Les Vendéens d'Anjou 1793*, p. 211.

⁴⁷ Первая часть отчета генерала Бирона Комитету общественного спасения и Временному исполнительному комитету (август 1793). – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 253.

и представители пуатевинского “клана” ни за что не хотели подчиняться друг другу. Несмотря на значительный вред общему делу, раздробленность сил продолжала сохраняться и даже была официально закреплена в 1815 г., когда роялисты пытались организовать поддержку режиму Реставрации⁴⁸.

Тезис об аристократическом “происхождении” Вандей сегодня почти не имеет сторонников: представители второго сословия практически отсутствовали в очагах восстания (Мож, Мен) и, напротив, ничего не предпринимали в республиканских департаментах⁴⁹. Их невысокие доходы, посредственное образование и минимальный авторитет в сельской округе не позволяли взять инициативу в свои руки. Восставшие находили себе вожаков, исходя из прагматических соображений. Во главе крестьянских армий были люди различного социального происхождения: сначала бывшие солдаты королевской армии – каретник Ж. Кателино, лесничий Ж.-Н. Стоффле, позже – дворяне А. Ларошжаклен, М.-Ж. д’Эльбе, Ф.-А. Шаретт, главное достоинство которых – знание военного дела.

Республиканская пропаганда с использованием поучительных образов солдат-героев, величественных легенд о юных патриотах⁵⁰, оформление культа “мучеников борьбы за свободу”, останки которых торжественно переносились в Пантеон, потребовали создания ответной мифологии в лице кровавых “жертв революции”. Дворянское происхождение вождей-роялистов было одним из условий их последующей “канонизации”. По стечению обстоятельств в центре вандейской агиографии оказался Ф.-А. Шаретт. Его образ стал одновременно символом восстания и олицетворением “духа земли”, ее специфического характера.

Скудные и отрывочные сведения о семейной родословной Ф.-А. Шаретта не позволяют говорить о древности его рода (самое раннее упоминание – около 1400 г.). Крайне трудно составить себе и точное представление о его образовании. С мая 1780 г. гардемарин Франсуа-Атаназ Шаретт проходит службу на французских военных кораблях, пока в ноябре 1787 г., по истечении положенных по уставу 6 лет, не получает чин капитан-лейтенанта. Участие в сражениях, борьба на стороне колоний в Новом Свете закалили его характер, однако, вопреки велеречивым жизнеописаниям героя, сегодня вряд ли можно согласиться хотя бы с одним из его мнимых “подвигов”.

Удивительным фактом остается отсутствие прижизненных портретов или описаний вандейского генерала. Большинство работ относится к самому началу XIX в. и является скорее вымыслом, нежели реальностью. Тем не менее, некоторые общие для всех авторов черты свидетельствуют в пользу определенного правдоподобия. Франсуа-Атаназ был высокого для своего времени роста (175 см.), элегантного телосложения. У него были черные, немного вьющиеся волосы, темные, очень пронизательные глаза, немного вздернутый нос, выдающийся вперед подбородок. Однако XX в. с его изменившимися вкусами нарисовал внешность Ф.-А. Шаретта заново, обратив типичного брюнета в наследника древних кельтов с бледным лицом, русыми волосами и голубыми глазами!⁵¹

Суждения современников о характере гардемарина и храброго генерала столь же противоречивы. Вопреки канонизированной версии о нем как весельчаке, балагуре,

⁴⁸ *Летчфорд С.Е.* Вандея в 1815 году. – Французский ежегодник 2003. Правые во Франции. М., 2003, с. 151–164.

⁴⁹ *Sutherland D.* L’Association bretonne: la conspiration du Marquis de La Rouërie. – *Annales de Bretagne et des Pays de l’Ouest* (Anjou, Maine, Touraine), t. 96. Rennes, 1989, № 4, p. 433–455.

⁵⁰ Особенно популярными героями были 13-летние подростки Жозеф-Агриколь Виаля (убит роялистами в июле 1793 г. у Авиньона, департамент Воклюз) и Франсуа-Жозеф Барра (убит 7 декабря 1793 г. близ Жале, департамент Мен и Луара). См.: *Monnier R.* Le culte de Barra en l’an II. – *Annales historiques de la Révolution française*. 1980, № 3 (241), p. 321–344.

⁵¹ *Le Bouvier-Desmortiers U.R.* Vie du general Charette commandant en chef les armées catholiques et royales de la Vendée. Paris, 1809, p. 18; *Bittard des Portes R.* 1793–1796. Charette et la guerre de Vendée. Paris, 1902, p. 3; *Saint-Pierre M. de.* Monsieur de Charette, Chevalier du Roi. Paris, 1977, p. 115.

любителе застолий, женщин и развлечений⁵², молодой офицер гораздо чаще рисовался человеком достаточно замкнутым, даже хмурым, уравновешенным, но одновременно желчным, обидчивым и, главное, чрезмерно вялым. Впрочем, многие сходятся во мнении о его необузданной страсти к экстравагантным костюмам, вычурным прическам и танцам, хотя он не имел слуха и совершенно презирал хореографические фигуры. В 1793 г. Лука де Ла Шампионьер писал об отсутствии у Ф.-А. Шаретта даже примитивного образования, ибо тот “строил свою речь не всегда правильно, а писал и того хуже”⁵³.

С 1 октября 1790 г. он покидает военную службу и поселяется в Фонтеклоз (приход Ла Гарнаш, близ Машкуль). Отдельные биографы видят в этом шаге политическую прозорливость капитана-лейтенанта, сознательно отказавшегося служить революционному правительству. Представляется все же, что поступок имел гораздо более прозаическое содержание: брак, заключенный в 1786 г. с богатой вдовой, сулил Ф.-А. Шаретту немалые материальные выгоды, безбедное существование и легкую жизнь в свое удовольствие.

Лишенные руководства и верившие в военную доблесть Ф.-А. Шаретта крестьяне насильственно привлекли его к своему движению, от участия в котором он всячески пытался уклониться⁵⁴. До января 1794 года, когда основные силы вандейцев были разбиты, а большая война в целом завершена, роль Шаретта среди других военачальников была весьма скромной: за 1793 г. им было дано 16 сражений, из которых только 7 увенчались победой.

Для революционных властей дворянско-клерикальный заговор казался неоспоримой реальностью. Народ “неправильно судит о благотворных мероприятиях Национального собрания по недостатку осведомленности”, а “недоброжелатели пользуются его невежеством, дабы вводить его в заблуждение”. Чтобы предохранить людей от “дурных советов, которые без конца преподносит им этот опасный сброд”⁵⁵, правительству надлежит заняться “гражданской педагогикой” (начальное образование, пропаганда, революционные праздники)⁵⁶. Представители в миссиях и члены вандейской администрации на протяжении апреля-октября 1793 г. настойчиво обращались к жителям деревень с различного рода адресами и прокламациями.

“Набат свободы прозвучал; он заставит замолчать набат рабства”; враги вашего покоя и счастья вводили вас в заблуждение; “они вооружили вас против ваших братьев, ваших сограждан, вашей Родины”. Священники заставляют вас сражаться за религию, тогда как их главная цель – вернуть десятину. Дворяне желают возвращения короля и феодализма, ибо таким путем можно вернуть привилегии и сеньориальные права. Те и другие всегда делали народ жертвой “своих амбиций, ненависти, гордыни и личных интересов”, воспринимали его “выючным животным”, пригодным лишь для работы да выплаты налогов. Только они должны заплатить за деяния, в которых сделали вас “слепым инструментом”. Многие крестьяне Вандеи и соседних департаментов признали, наконец, что до настоящего времени сражались “на свою беду” в пользу “своих наиболее жестоких врагов”.

Граждане, разбившие оковы рабства, вы, начавшие вкушать счастье свободы, мы намереваемся “открыть вам глаза, защитить вас от ваших угнетателей, принести вам мир”. В то время как революция провозгласила священные права человека и гражданина,

⁵² *Chiappe J.-F.* La Vendée en Armes. Les Geants, v. II. Paris, 1982, p. 31, 34–35; *Kermina F.* Monsieur de Charette. Paris, 1993, p. 18.

⁵³ *Lucas de La Championniere P.* Mémoires sur la guerre de Vendée (1793–1796). Paris, 1904, p. 140.

⁵⁴ *Dumarcet L.* François Athanase Charette de La Contrie. Une histoire véritable. Nantes, 1997, p. 105–148.

⁵⁵ Протокол, направленный в дистрикт Шаллан (департамент Вандея) командиром и офицерами национальной гвардии Апремона. – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 232.

⁵⁶ *Baczko B.* Une éducation pour la démocratie: textes et projets de l'époque révolutionnaire. Paris, 1982; *Озюф М.* Революционный праздник 1789–1799. М., 2003.

отменила все возможные налоги и предоставила многочисленные социальные льготы детям и инвалидам, улучшила положение земледельцев и рабочих, вы “осмеливаетесь просить короля, аристократов и возвращения кровожадных священников, повергших вас в нищету!”

Вот уже полгода они отрывают вас от ваших насущных дел, они пожирают ваше продовольствие, “они увели ваш скот; ваши поля напрасно дожидаются косы жнеца; ваш урожай гибнет под ногами”. Монстры! Они говорят о нашем святотатстве, но неужели ваша религия предполагает захват чужого имущества, истребление ближних, потакание грабегам и убийствам вместо мирного труда на благо своей семьи? Итак, сложите дружно оружие, “все друзья человечества вам протягивают руки. Закон прощает вас, он берет под защиту вас и вашу собственность”⁵⁷.

Провал мер “гражданской педагогики”, о чем свидетельствовало упорство крестьянского сопротивления республиканским войскам и значительные успехи восставших, привел к убеждению, что у вандейских простолюдинов, помимо очевидных источников “заблуждения” (дворяне и священники) имелись причины более глубокого свойства – как внешние (Англия, эмиграция), так и внутренние (особенности их характера).

Сложнейшая ситуация 1793 г., во многом сделавшая возможным приход к власти якобинцев, поставила их лицом к лицу с многочисленными “врагами”, которых они облекали в яркие образы. Прежде всего, Франции угрожала интервенция европейских монархов. Иностранные дворы, по мнению М. Робеспьера, издавна “забрасывали во Францию оплачиваемых ими ловких злодеев”. Наполнив страну, “они укрепляются, они окапываются среди нас, они возводят новые редуты, новые контрреволюционные батареи”, их можно найти в республиканской армии, административных учреждениях, на секционных собраниях, в политических клубах и в самом “святилище национального представительства”. Заняв стратегически важные позиции, наемные эмиссары выведывают тайны. “Они поощряют наши страсти, – утверждал М. Робеспьер, – они пытаются даже наставлять нас в наших взглядах; они обращают против нас наши решения”⁵⁸.

Символом внешнего врага выступала Англия, к чему предрасполагала давняя историческая традиция⁵⁹ и обстоятельства текущего момента (география главных очагов мятежей охватывала по преимуществу атлантическое побережье и, следовательно, важнейшие порты страны). Департаменты бывшей Бретани, несомненно, были намерены призвать англичан, но их удерживало “только неблагоприятное время года”⁶⁰. Сен-Джемский кабинет, имевший своих агентов “во всех морских портах, принимает самое большое участие во всех этих заговорах”⁶¹. Господствуя над революцией, расточая деньги на подкуп республиканцев, “английская партия” ставила целью “дать нам в короли герцога Брауншвейгского или герцога Йоркского”⁶². Однако Англия, вопреки

⁵⁷ Proclamation des représentants Bourdon de l'Oise et Goupilleau de Fontenay aux habitants des campagnes insurgées dans les départements des Deux-Sèvres, de la Vendée, de la Loire-Inférieur et Maine-et-Loire pour les faire rentrer sous l'obéissance à la loi (17.08. 1793). – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 309; Proclamation des administrateurs du département de la Vendée aux Communes de leur territoire en rébellion contre la loi (21.08. 1793). – Там же, д. 310; Adresse des administrateurs du département de la Vendée à leurs concitoyens et à tous les habitants levés en masse pour les engager à défendre la cause sacrée de la liberté (11.09. 1793). – Там же, д. 311; Adresse des administrateurs du district de la Châtaigneraye, invitant les campagnards à rentrer dans le devoir et à déposer les armes prises contre la patrie. – Там же, д. 312.

⁵⁸ Робеспьер М. О принципах революционного правительства (25 декабря 1793 г.). – Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. Статьи и речи. М., 1959, с. 199–200.

⁵⁹ Мязкова Е. М. Представления об англичанах в “народной культуре” Западной Франции эпохи средневековья и раннего нового времени. – Французский ежегодник 2008. Англия и Франция – соседи и конкуренты XIV–XIX вв. М., 2008, с. 59–78.

⁶⁰ Робеспьер М. По поводу измены Дюмуре, с. 273.

⁶¹ Робеспьер М. По поводу адреса Руайе. Речь в Обществе друзей свободы и равенства 7 августа 1793 г. – Робеспьер М. Избранные произведения, т. 3. М., 1965, с. 39.

⁶² Робеспьер М. О положении в республике. Речь в Обществе друзей свободы и равенства 11 августа 1793 г. – Там же, с. 41.

сложившимся о ней резко негативным представлениям, не вела открытых военных действий и, как доказывают современные исследования, вовсе не так активно боролась с революцией на континенте⁶³.

Стремительным ростом своего авторитета “коварный Альбион” во многом был обязан Вандее, оказавшейся почти единственным олицетворением внутреннего врага. Уже утвердившаяся репутация края, опасная близость к морю, успешные действия повстанцев на фоне подозрительной бездеятельности республиканской армии, сделали его наиболее удобной площадкой пересечения идеологически важных образных рядов, послужив основой к формированию и последующему закреплению в общественном сознании статуса исключительности одного из западных департаментов.

Несколько тысяч сельских жителей должны были найти опору для внезапно возникшего духа единства и поразительной слаженности в столь долгом сопротивлении “истине, справедливости, праву, разуму, свободе”⁶⁴. Парадоксальность, неожиданность и размах феномена заставили современников без колебаний поверить в существование неких народных традиций, закреплявших инаковость региона и его населения⁶⁵.

Генерал Л.-М. Тюрро с искренней убежденностью отмечал, что сама природа края, обычаи и нравы местных жителей составляют “причину его несчастий и источник религиозных или междоусобных войн, для которых Пуату *всегда* выступал колыбелью и театром действий”⁶⁶ (курсив мой. – Е.М.). Он с восхищением писал о рядовых участниках восстания, об их “нерушимой преданности” делу, “безграничном доверии” к командирам, “верности данному обещанию”, способной заменить собой дисциплину. Неукротимая отвага, презиравшая все виды опасности, усталость и лишения, выковывала из вандейцев реально опасных врагов. Совокупность перечисленных свойств предуготовливала им в истории одно из самых первых мест вреду “воинствующих народов”⁶⁷. И все же победный дух произрастал не на вполне здоровой почве: “глубокое невежество пуатевинца, его абсурдные предрассудки, настолько укрепленные и укорененные, что на протяжении многих веков он не сделал и шага в направлении разума, делали его существование чисто механическим”.

Узкий горизонт крестьянина замыкался местным приходом, и удерживать его в боевом строю более трех дней могло лишь физическое присутствие врага в непосредственной видимости. Он старался не покидать родных мест, разумно полагая, что природа и особенности до мелочей изученного окрест ландшафта “составляют часть его силы”. “У себя дома он лучший солдат Европы”, внешний мир делает его беспомощным⁶⁸. “Если им сопротивляются с известной твердостью и вынуждают отступить, то нет речи об организованном отходе – это полный разгром, артиллерию бросают, все разбегаются и каждый возвращается в свою деревню. Если же, наоборот, им уступают, то к ним присоединятся неисчислимая толпа, сбегаящаяся со всех сторон”⁶⁹.

Эта привязанность к земле имела психологический и социокультурный характер. Крестьяне, насильственно вырванные из своих родных местечек для службы в прежней королевской милиции, становились жертвами загадочной болезни – ностальгии. Захватывала она преимущественно жителей западных и южных регионов страны, к чему их предрасполагали образ жизни и специфический диалект (патуа). Молодые

⁶³ Hutt M. Chouannerie and Counter-revolution: Puisaye, the Princes and the British Government in the 1790s, 2 v. Cambridge, 1983.

⁶⁴ Гюго В. Указ. соч., с. 202.

⁶⁵ Cavoleau J.-A. Annuaire statistique du département de la Vendée pour l'an XII. Statistique ou description générale du département de la Vendée. Nantes, 1818, p. 345; Phisionomie morale, intellectuelle et politique du département de Maine-et-Loire en 1834. – Anjou historique. XX-e année. Angers, 1919, p. 89.

⁶⁶ Turreau L.-M. Op. cit., p. 20.

⁶⁷ Ibid., p. 19.

⁶⁸ Ibid., p. 122–123.

⁶⁹ Первая часть отчета генерала Бирона Комитету общественного спасения. – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 254.

рекруты быстро теряли вкус к жизни, становились необщительными, впадали в бред и нередко умирали. Некоторые из врачей, владевшие тем или иным наречием, отмечали, что небольшой диалог на родном языке действовал во много раз эффективнее целого арсенала терапевтических средств⁷⁰. Хотя ненависть к милиции стала общим местом исследовательских работ, только события Революции вызвали активный протест против “налога кровью”. Вопрос имеет принципиальную важность: именно декрет о принудительном наборе в армию послужил сигналом к крестьянскому восстанию. Однако доводы сторонников “военного” происхождения Вандейских войн⁷¹ наталкиваются на сложно разрешимые противоречия. Во-первых, дезертирство среди выходцев Пуату при Старом порядке было в два с лишним раза меньше общепольского показателя: 1,8% против 4%. Во-вторых, неприятие нового закона вызвало бурные возмущения еще в ряде регионов, но нигде не переросло в крупномасштабные выступления⁷².

Итак, мятежники поместили Вандею на беспрецедентном стыке внутренней (восстание марта 1793 г.) и внешней (Англия) угрозы, в философски абстрактный образ абсолютного врага, контрреволюции вообще. “Ведь *это сердце Республики* (курсив мой. – Е.М.), – говорил Б. Барер, – куда укрылся фанатизм и где священники воздвигли свои алтари; ведь именно там эмигранты [...], войдя в соглашение с лигой держав, собрали обломки изменнического трона; ведь именно с Вандеей сносятся все аристократы, федералисты, сторонники власти департаментов и секций. На Вандею опираются преступные замыслы Марселя, позорная продажность Тулона, крики лионских бунтовщиков, волнения в Ардеше, смуты в Лозере, заговоры в департаментах Эр и Кальвадос, надежды Сарты и Майенны, недоброжелательное настроение в Анжере и глухое брожение в нескольких департаментах бывшей Бретани”⁷³.

* * *

За три недели марта повстанцы подчинили себе весь край, почти не встречая сопротивления. В мае был создан Высший совет, призванный управлять “завоеванной страной” во имя “законного монарха” Людовика XVII, юного сына казненного короля. Обосновавшись в Шатийон-сюр-Севр, он занимался изданием декретов, прямо противоположных по содержанию декретам Конвента. 9 июня вандейцы захватили город Сомюр, открыв себе путь на Париж. “Нам будет чрезвычайно трудно исправить это роковое во всех отношениях положение, – писал депутат Конвента, представитель в миссии Ж.-Л. Тальен, – так как разбойники стали теперь хозяевами всей Луары; это очень большое бедствие, так как они смогут таким путем проникнуть в бывшую Бретань, где найдут себе много сторонников”⁷⁴. Действительно, рассчитывая на помощь англичан, они осадили Нант. Отчаянное сопротивление республиканского центра и крупнейшего порта, а также смертельное ранение генералиссимуса Ж. Кателино деморализовало крестьян, отряды которых значительно поредели в связи с сезоном полевых работ.

1 августа 1793 г. революционные власти приняли декрет о реорганизации военных сил, действующих в Вандее. На борьбу с восстанием был выдвинут гарнизон Майенны во главе с Ж.-Б. Клебером. Армии побережья у Ла-Рошели после назначения в нее Ж.-А. Россиньоля предписывалось провести чистку командного состава с целью замены его “офицерами и комиссарами, известными своим патриотизмом”. Генералам

⁷⁰ Bercé Y.-M. Nostalgie et mutilations: psychoses de la conscription. – Les résistances à la Révolution. Actes du Colloque de Rennes (17–22 septembre 1985), recueillis et présentés par F. Lebrun et R. Dupuy. Paris, 1987, p. 171–179.

⁷¹ Lagniau J. La Guerre de Vendée: Mouvement de Jeunesse. – Revue du Bas-Poitou. 1943, t. 56, p. 114–117.

⁷² Carré A. Vendéens et Bretons et la défense de la Patrie. Des milices de la Monarchie à l’Insurrection de 1793. – Revue du Souvenir Vendéen, 1976, № 114, p. 36–48; Forrest A. Conscripts and Deserters: the Army and French Society during the Revolution and Empire. New York, 1989.

⁷³ Доклад Б. Барера в Национальном конвенте и декрет о действиях армии в Вандее (1 октября 1793 г.). – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 255.

⁷⁴ Письмо Ж.-Л. Тальена о поражении республиканцев при Сомюре. – Там же, с. 252.

надлежало строго наказывать “дезертиров, беглецов, предателей и тех, кто бросает оружие и продает свое обмундирование”. Специально выделялись “всякого рода припасы” для борьбы с природными “сообщниками” мятежей – кустарниками и зарослями дрока. В итоге “леса должны быть вырублены, притоны бунтовщиков разрушены, жатва собрана отрядами рабочих и увезена вслед за армией, а скот отобран”⁷⁵. 28 июля и 14 августа генерал О. Тюнк нанес противнику чувствительное поражение под Люсоном.

Здесь впервые, пожалуй, возникла реальная надежда на восстановление мира в западных департаментах. Момент был благоприятным. Необходимо, – заявлял представитель в миссии Ж.-П. Файо, – чтобы в ближайшие 15 дней на “почве свободы не осталось рабов”. Напротив, если сезон дождей наступит ранее “полного разгрома разбойников”, то вернуть порядок в областях, уже полгода раздираемых ужасами гражданской войны, окажется почти невозможно⁷⁶. Очевидно, речь шла о специфике природных условий. Ж.-П. Файо был депутатом Конвента от Вандеи и хорошо представлял особенности края: при малейшей непогоде местность становилась абсолютно непроходимой. Однако с 19 по 22 сентября республиканская армия потерпела подряд 5 поражений, среди которых неудачи под Торфу и Сен-Фулжан наиболее значительные.

“Необъяснимая Вандея”, сетовал Б. Барер, все еще существует. Выступая в Национальном конвенте, он назвал ее горнилом, испытующим все население республики; приговоренная к уничтожению, она и сейчас угрожает стать “опасным вулканом”. “Двадцать раз с момента возникновения этого гнезда контрреволюции народные представители, генералы и сам Комитет общественного спасения возвещали вам на основании полученных официальных сведений о скором уничтожении этих фанатиков; но за отдельными успехами наших генералов следовали крупные поражения: каждый из них, оставшись победителем в трех мелких схватках, терпел поражение в серьезном сражении.

У вандейских разбойников не было ни пороха, ни пушек, ни оружия; теперь им доставили артиллерию, военные припасы и ружья, с одной стороны, англичане морским путем, с другой стороны – наши отряды во время отступления или бегства, порой при таких обстоятельствах, которые носят характер соглашения между некоторыми из наших солдат и артиллеристов с вандейцами...

Вандея одержала успехи при помощи начавших ее заговорщиков, при помощи вмешавшихся туда неprisягнувших священников, при помощи фанатизма деревенских жителей, нерадивости администрации и предательства отдельных ее членов; ей помогали иностранцы, снабжавшие ее золотом, порохом, оружием и предателями; ей помогали высаженные там эмигранты, сторонники Питта и Гренвилла, которые строили на этом свои расчеты и покупали ее грозные успехи”⁷⁷.

По итогам доклада 1 октября 1793 г. Конвент принял декрет о создании Западной армии во главе с Ж. Лешелем через слияние ранее самостоятельных Ларошельской, Майеннской и Брестской армий. Перед Западной армией была поставлена задача закончить “отвратительную Вандейскую войну” к 20 октября. “Благодарная нация” ожидала, что генералы расправятся с “бунтовщиками внутри страны и безвозвратно прогонят чужестранные полчища тиранов Европы”⁷⁸. Действительно, 17 октября республиканские войска одержали столь уверенную победу под Шоле, что она, по словам представителей местной администрации, превосходила все ожидания как “по числу убитых, так и по количеству пушек с боеприпасами”, захваченных у неприятеля⁷⁹. С большими потерями разгромленные части во главе с А. Ларошжакленом переправились через Луару у Сен-Флоран.

⁷⁵ Декрет Национального конвента о реорганизации армии, действующей в Вандее (1 августа 1793 г.). – Там же, с. 252–253.

⁷⁶ Цит. по: La Vendée des origines à nos jours, p. 269.

⁷⁷ Доклад Б. Барера в Национальном конвенте и декрет о действиях армии в Вандее (1 октября 1793 г.). – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 254–255.

⁷⁸ Там же, с. 255–256.

⁷⁹ Lettre de l'adjoint à l'Etat-Major de Luçon au Procureur général Syndic du département (21 octobre 1793). – La Vendée des origines à nos jours, p. 270–271.

Надежда вандейцев на поддержку бретонской шуанерии и английский десант породили их беспрецедентный поход в Нормандию. Покинув свою территорию, вандейцы лишились тактических преимуществ; они потеряли даже видимость военных соединений: вслед за ними двигалась толпа стариков, женщин, детей⁸⁰. Достигнув города Гранвиля на берегу Ла-Манша и не получив обещанной помощи, оставшиеся в живых участники гибельного маневра двинулись в обратный путь, наводя ужас на окрестное население. Успешные атаки республиканцев у Анже, Ле Мана и Савенэ завершили “большую” историю “Королевской и католической армии” – “войну гигантов”, по определению Наполеона Бонапарта. Утерев былой размах и единство, возникавшие в Вандее конфликты отныне стали носить локальный характер.

Жестокая борьба с переменным успехом была, в глазах парижских властей, неопровержимым свидетельством заговора. “Я замечаю, – говорил М. Робеспьер 12 июня 1793 г., – что каждый раз, когда нам сообщают о событиях подобного рода, мы принимаем только одну меру, мы посылаем новые батальоны на бойню... Я замечаю, что никому не приходит в голову сместить генерала, измена которого очевидна”⁸¹. “С горечью вижу я, – сетовал Ж.-П. Марат, – во главе войск республики, предназначенных подавить вандейских повстанцев, Бирона, старого слугу двора из числа пользующихся худшей репутацией, эту тень Орлеанского дома, этого руководителя изменника Монпансье, который был у него под опекой. Как мог ваш Комитет общественного спасения поставить такого человека во главе солдат свободы?”⁸² Современникам казалось, что командующие интуитивно следовали принципу А.-Л. Бирона, который тот очень образно выразил в словах, адресованных к своему сыну: “Если вы исполните ваш план, война закончена, и вы будете вынуждены заняться разведением капусты у себя в огороде”⁸³.

Все военачальники, таким образом, были заинтересованы в затягивании конфликта, находя в нем отличное средство к удовольствиям и обогащению⁸⁴. “Наши успехи в Вандее оказались мимолетны, а наши потери многократны. Ни один из наших генералов не пользуется у солдат полным доверием. Неспособные, кутилы и предатели – вот их основные качества. Парижские батальоны на самом деле состоят вовсе не целиком из парижан, а из людей, нанятых за 500 ливров, которые совсем не годятся для одержания побед. Большинство из них подло обратилось в бегство или предпочло утонуть в Луаре, чем сражаться. Нет таких преступлений, в которых бы они не были замешаны. Кражи, изнасилования, грабежи – это обычное явление”⁸⁵.

Кому же доверить руководство силами в Вандее? Ж.-П. Марат взывал к офицерам, в которых есть “гражданская доблесть, сила суждения, мужество”⁸⁶. Динан, сторонник республиканцев в Вандее, именовавший себя другом “мира и свободы”, предлагал единоначалие “просвещенного, отважного и бескорыстного” человека, лишнего, добавлял его современник, всякого “духа предвзятости”⁸⁷. Несмотря на оптимизм Ж.-П. Марата (“среди нас еще есть такие”), М.-А. Жюльен расценивал “пылкое и чистое

⁸⁰ *Jullien M.-A.* Sur le passage de la Loire par les Vendéens. – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 356.

⁸¹ *Робеспьер М.* О чистке главных штабов армии и о мерах общественного спасения. Речь в Обществе друзей свободы и равенства 12 июня 1793 г. – *Робеспьер М.* Избранные произведения, т. 3, с. 11.

⁸² *Марат Ж.-П.* Письмо Марата Национальному конвенту (Париж, 4 июля 1793 г.). – *Марат Ж.-П.* Памфлеты. М.; Л., 1934, с. 765.

⁸³ *Observations sur le nombre des rebelles dans les départements insurgés.* – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 304.

⁸⁴ *Exposé sur la guerre de la Vendée, adressé au Comité de Salut public par Bireteau l'ainé et Guineman l'ainé* (27.02. 1794). – Там же, д. 300.

⁸⁵ Заседание Якобинского клуба 2 августа 1793 г. – Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента, с. 653–654. Эти обвинения имели под собой реальные основания. См.: *Adresse des administrateurs du district de la Châtaigneraye, invitant les campagnards à rentrer dans le devoir et à déposer les armes prises contre la patrie* (02.10.1793). – Там же, д. 312.

⁸⁶ *Марат Ж.-П.* Письмо Марата Национальному конвенту, с. 765.

⁸⁷ “*Essai sur la guerre de la Vendée par un ami de la paix et de la liberté*” Dinan (10.12.1793). – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 308; *Observations sur le nombre des rebelles.* – Там же, д. 304.

гражданское сознание” в генералах подлинной “архимедовой точкой опоры для Республики”⁸⁸. Ситуация осложнялась значительной автономией местных властей. Попытки парижских законодателей создать жесткую централизованную модель управления с эффективными механизмами “обратной связи” наталкивались на упорное сопротивление, черпавшее силу в общей политической нестабильности⁸⁹.

Результатом увеличения числа разнообразных комиссий и комитетов стала развернувшаяся на всех уровнях жесткая борьба за приобретение, удержание, защиту и укрепление позиций в них. Институциональная анархия оформила специфический образ представителя в миссии (члена Конвента, делегируемого со специальным заданием в департаменты). По справедливому замечанию современного французского историка, профессора Сорбонны, специалиста в области политических проблем революции П. Генифе, депутаты, направляемые на места, уже не являлись просто комиссарами, действующими на основании фиксированных полномочий. “Они сами *были* Конвентом, непосредственно в их лице посещающим департаменты”⁹⁰. Наделенные неограниченной властью, они использовали ее согласно их темпераменту, убеждениям и интересам. Теоретически всемогущественные, практически комиссары Конвента являлись столь же заложниками, сколько и господами тех, за кем они должны были наблюдать, и кем призваны были руководить. Часто плохо информированные о состоянии дел на местах, понукаемые, улециваемые и манипулируемые различными существующими кланами, они становились немаловажной частью соперничества и конфликтов, сохранявших лишь очень отдаленную связь с революционными целями.

Не удивительно, с этой точки зрения, участвовавшие в последнее время призывы пересмотреть утвердившиеся представления о “локальных тиранах”, “профессиональных революционеров”⁹¹. Там, где комиссары вступали в сложную игру обстоятельств (Марсель), жертвы были минимальными. Если же, как в Вандее, они добивались власти в ходе борьбы соперничающих кланов, жадных до любых полномочий, происходила крайняя экзальтация и репрессии принимали угрожающий характер прямого истребления. Последнее обстоятельство, по мнению историков, происходило также из личностных качеств представителей власти.

Мечтая об идеальном государстве, главная ценность которого – руссоистская общая воля, искренние сторонники революции видели его несовместимость с человеческим эгоизмом и страстями, проповедуя добровольное и сознательное “пересоздание” самого себя. Непременное условие такого процесса – изгнание частного интереса и отказ от личной свободы в пользу общественного блага. Добродетельный гражданин становился, таким образом, послушным инструментом революции; перестав считаться с самим собой, он почитал за долг не считаться с интересами других. Сделав из политики свою единственную мораль и занятие, он достиг экстраординарной способности жить в Революции, хладнокровно соединяя великолепное понимание обстоятельств с использованием тактических хитростей. Ничего не теряя в этом потоке событий и ничего не желая приобрести, он стал почти неуязвимым, получая неограниченную власть над народом и противниками. С этих небесных высот ему все казалось возможным и, если, по стечению обстоятельств, реальность не могла уступить его воле, то эта оппозиция воспринималась им как заговор враждебных сил⁹².

Нет ничего удивительного, что во главе республиканской армии оказались самые решительные из революционных генералов. Провал мер “гражданской педагогики” по-

⁸⁸ Jullien M-A. Rapport sur la guerre de la Vendée. – Там же, д. 353, л. 8. См. также: Notes sur la guerre de la Vendée, par Baudry, chef de Brigade. – Там же, д. 302.

⁸⁹ Biard M. Les provinces vues de Paris: des terre de mission (1793–1795)? – Annales historiques de la Révolution française, 2002, v. 330, № 4, p. 41–70.

⁹⁰ Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794. М., 2003, с. 222–224.

⁹¹ Lucas C. La structure de la Terreur. L'exemple de Javogues et du département de la Loire. Saint-Etienne, 1990; Gough H. The Terror in the French Revolution. London, 1998; Gérard A. “Par principe d’humanité...” La Terreur et la Vendée. Paris, 1999.

⁹² Чудинов А.В. Утопии века Просвещения. М., 2000.

родил у них качественно иной дискурс. Нация, вышедшая из рабства, впервые получила полную свободу. В сущности она была ребенком, не умеющим разумно воспользоваться своей свободой. Прежняя библейская метафора (образ “заблуждения”, оставлявший надежду вернуть “грешника” на путь истинный средствами революционно-гражданской “проповеди”⁹³) сменилась семейным патернализмом, смысловое поле которого соединяло в себе легкость ошибки с возможностью сурового наказания. Идеологическое “оправдание” репрессий происходило через разделение (до противоположности) понятий “человек”/“гражданин” и последующее лишение восставших человеческого облика. Мятежные крестьяне – не граждане и даже не люди, но “свинский сброд”, негодная “раса разбойников”, подлежащая физическому уничтожению⁹⁴.

Формальным поводом для жестоких мер правительства стали описанные комиссарами Конвента и подтвержденные на местах “ужасы гражданской войны” (А.-Ш. Мерсье дю Роше). Каждый день, с 15 марта по 22 апреля, был отмечен убийствами. Чтобы хоть как-то узаконить их, Ф.-А. Шаретт писал письма, которые адресовал самому себе. Эта корреспонденция, якобы полученная то из Парижа, то из Нанта описывала вымышленные (или предполагаемые) действия республиканцев (например, удушение священников). “Варварская хитрость” произвела ожидаемый эффект: “людоеды” убили 80 патриотов и радостно кричали за ужином: “Сегодня мы славно разговелись!”

“Они перестали убивать; – сообщали представители в миссии Ф.-Т. Виллер и Ж. Фуше в апреле 1793 г., – они привязывали пленных к длинной веревке, которую продевали через руку (бунтовщики называли это своими *четками*), потом их выводили в поле и заставляли стать на колени перед большим рвом. Их расстреливали, а затем люди с пиками и кинжалами бросались на тех, кто не получил смертельных ран.

Гражданину Жуберу, председателю дистрикта, отпилили кисти рук, прежде чем убить его; он был заколот вилами и штыками.

Эти варвары зарывали в землю живых людей.

...23 апреля еще видели а том поле, которое стало могилой стольких храбрых и несчастных граждан, руку, высовывающуюся из земли, ...которая казалась рукой человека, хотевшего выйти из могилы.

Эти чудовища убили в Машкуле 542 гражданина, но этих жертв еще не было достаточно для их ярости”⁹⁵.

Очевидцев поражала сплоченность вандейского воинства: у них создавалось впечатление, что “выступили все, вплоть до детей 10–12 лет”. Фанатизм и роялизм настолько укоренены, что, сомневаясь в их способности отказаться от “дурных принципов”, представитель местных патриотов (“друг человечества”) предлагал уничтожить всех людей старше 10 лет. Детей же, начиная с младенческого возраста, необходимо “поставить под защиту закона; воспитывать в духе республиканизма, побуждая добрых граждан взять каждому по одному ребенку на попечение”⁹⁶.

“Долой мягкость, снисходительность”, – восклицал Ж.-П. Файо в письме членам революционного наблюдательного комитета Сабль-д’Олонн⁹⁷. Облеченные неограниченными полномочиями, комиссары Конвента Ж.-М. Лекинью и Ж.-Ф. Лэньело организовали в Рошфоре Революционный трибунал по образцу парижского, дабы предоставить патриотам “славу свободно объявить себя мстителями за Республику, преданную

⁹³ Muller Ch. Du “peuple égaré” au “peuple enfant”. Le discours politique révolutionnaire à l’épreuve de la révolte populaire en 1793. – Revue d’histoire moderne et contemporaine, 2000, t. 47, № 1, p. 93–112.

⁹⁴ Viguerie J. de. La Vendée et les Lumières: les origines intellectuelles de l’extermination. – La Vendée dans l’Histoire. Actes du Colloque de La Roche-sur-Yon. Paris, 1994, p. 36–51.

⁹⁵ Сообщение Виллера и Фуше о Вандее (апрель 1793 г.). – Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента, с. 649–650.

⁹⁶ “Réflexions d’un ami de l’humanité” sur les mesures de rigueur qui ont été prises. – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 303.

⁹⁷ Письмо члена Конвента Файо к членам Революционного наблюдательного комитета Сабля. – Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента, с. 660.

негодяями”⁹⁸. Они же отдали приказ, который, по их собственным словам, “умеренные могут найти варварским”: расстрелять “без всякого суда пленных бунтовщиков при первом же появлении неприятеля”⁹⁹.

В декабре 1793 г. генерал Л.-М. Тюрро настойчиво добивался от Комитета общественного спасения издания “сурового декрета” относительно способов борьбы с Вандеей¹⁰⁰. Его усилия нашли отклик в постановлении 6 февраля 1794 г., предписывавшем смертную казнь “по приговору военной комиссии” для всех граждан восставших областей в случае обнаружения у них огнестрельного оружия. Враги должны были преследоваться “неотступно вплоть до их полного уничтожения. Генералы, не проявившие всей возможной энергии во время экспедиции”, объявлялись “врагами отечества”¹⁰¹.

“Вандеи больше не существует! – писал генерал Ф.-Ж. Вестерманн в декабре 1793 г., преследуя отступавшие части противника после их неудачного похода в Нормандию. – Она погибла под нашей свободной саблей вместе с женщинами и детьми. Я похоронил ее в болотах и лесах Савенэ. Следуя приказам..., я давил детей под копытами лошадей, убивал женщин, чтобы хотя бы они не произвели больше на свет разбойников [...]. Я не могу поставить себе в упрек ни одного пленного; дороги усеяны трупами. В Савенэ были бесконечные расстрелы, ибо каждую минуту являлись разбойники, желавшие сдаться в плен [...]. Мы не берем больше пленных, им надо давать хлеб свободы, а жалость недостойна революционера”¹⁰². Декабрьские избиения закрепили за Ф.-Ж. Вестерманном прозвище “мясник Вандеи”.

С 21 января по 15 мая 1794 г. Западная армия проводила карательные операции на территории мятежных департаментов, разделившись на 6 колонн (по два подразделения в каждой). Командующие и солдаты обязывались употребить все средства для обнаружения бунтовщиков. “Всех их надо переколоть штыками. – Говорилось в инструкции Л.-М. Тюрро от 19 января 1794 г. – Села, хутора, леса, заросли, кустарники, словом, все, что может быть сожжено, должно быть предано огню. [...] Ни одно селение или хутор не могут быть сожжены без предварительного вывоза оттуда всего обмолоченного зерна или снопов и всякого рода продовольствия”¹⁰³. Прозванные за жестокость “адскими”, колонны Западной армии должны были “помешать вандейцам получать какую-либо помощь из-за границы”; “разрушить убежище бунтовщиков и вообще все места, которые могли бы послужить им прикрытием или опорой”; “обезоружить все коммуны, расположенные по близости к театру военных действий”¹⁰⁴.

Вместо прежних “обманчивых” сообщений с театра военных действий о якобы полном уничтожении противника, Л.-М. Тюрро представлял Конвенту в своих донесениях только “чистую правду”. 16 февраля 1794 г. он сообщал о смерти “шести тысяч разбросанных разбойников” у Монтэю; те отряды, что имели неосторожность занять Шоле, были наголову разбиты отрядом Северной армии; главные силы Шаретта, обращенные в беспорядочное бегство, потеряли около 800–900 человек; от преследуемых у Бодро и Пуатевинь генералом Э.-Ж. Кордельером 1500 “злодеев” не осталось и 500; еще 300 человек погибло от огня республиканцев в лесу Принсе. И все же, по его мнению,

⁹⁸ Письмо Лэньело и Лекиньо Национальному конвенту из Рошфора от 7 ноября 1793 г. об учреждении революционного трибунала. – Там же, с. 661.

⁹⁹ Письмо Лекиньо Национальному конвенту из Рошфора от 14 декабря 1793 г. – Там же.

¹⁰⁰ Письмо Тюрро, главнокомандующего Западной армией, в Комитет общественного спасения 19 декабря 1793 г. – Там же, с. 662.

¹⁰¹ Постановление Комитета общественного спасения 6 февраля 1794 г. – Там же, с. 663.

¹⁰² Цит. по: *Deniau F. Histoire de la Vendée d'après des documents nouveaux et inédits*, t. 3, Angers, 1878, p. 459.

¹⁰³ Приказ и инструкция генералам главнокомандующего Западной армией генерала Тюрро. (17–19 января 1794 г.). – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 256.

¹⁰⁴ *Turreau L.-M. Op. cit.*, p. 151–155. См. об этом: *Fournier E. La Terreur bleue: première phase de l'extermination des Vendéens, décrétée par le Pouvoir: 17 octobre – 23 décembre 1793. Paris, 1984; idem. Turreau et des colonnes infernales: deuxième phase de l'extermination: 1-er janvier 1794 – 9 thermidor, 27 juillet 1794. Paris, 1986.*

необходимы были “значительные усилия для окончания войны”. Только если солдаты “будут сражаться с должной отвагой, если генералы и высшие офицеры ободрят меня всей своей активностью, если все власти присоединяться к моей воле, если вокруг перестанут деморализовать патриотов ложными обвинениями, я клянусь, что все пойдет на лад (que ça ira)”¹⁰⁵.

Заметим, впрочем, что в Конвенте делали четкое различие между “мятежниками” и “честными патриотами” на Западе Франции¹⁰⁶. Парижская печать нередко писала о героических подвигах этих бесстрашных друзей свободы. “О, от какой опасности спасли отечество и свободу патриотически и революционно настроенные города Западе Франции! – восклицал вслед за него Ж. Жорес. – Если бы буржуа городов Фонтене, Нанта, Сабль д’Олонна дрогнули, если бы они не сохранили “стойкости твердых республиканцев”, если бы банды вандейцев смогли сразу захватить большой порт на Луаре Нант и океанский порт Сабль д’Олонн, то внимание эмигрантов и англичан было бы тотчас же привлечено к восстанию на Западе и англичане высадились бы на побережье Франции в тот самый момент, когда австрийцы угрожали ее северным границам... Эти небольшие города, населенные смелыми буржуа, воодушевленными новым духом, были словно шипы революции и неверия, вонзенные в грудь Запада”¹⁰⁷.

Нельзя не увидеть посильной заботы парижских властей о своих сторонниках, чей образ нередко обретал черты мученичества. Часть конфискованного у “бунтовщиков” имущества “выделяется для вознаграждения граждан, оставшихся верными родине, за понесенные ими потери”¹⁰⁸. Города и населенные пункты: Сен-Флоран, Люсон, Монтегю, Ла Шатеньер, Сент-Эрмин, Машкуль, Шаллан, Шантонне, Сен-Венсан, Шоле, Брессюир, Аржантон и Фонтене были исключены из общей программы уничтожения, так как, оставшись в стороне от действий “вандейцев”, сами оказались жертвами репрессий с их стороны¹⁰⁹. Напротив, борьба с “изменниками” объявлялась “священным долгом”.

Бросается в глаза показательность действий Конвента, обратившая регион в назидательную притчу для настоящих и будущих мятежников. 8 ноября 1793 г. по предложению Ж.-Б. Мерлена де Тионвиля департамент многозначительно переименовали в Отомщенный¹¹⁰. Согласно современным подсчетам, территория Ванदेи, Дё-Севр, Мен и Луары, Нижней Луары потеряла между 1793 и 1796 гг. от 140 до 190 тыс. человек, что составляло 1/4–1/5 населения, местами 1/3, а часто и половину. Общие потери, включавшие “синих” (якобинцы) и “белых” (роялисты) и дававшие себе знать вплоть до середины XIX столетия, закономерно оказались предметом более или менее фантастических оценок среди современников¹¹¹. Это событие имело принципиальное значение. Во-первых, уничтожено было не абстрактное понятие, но конкретный департамент; якобинская же аллегория исторически неверно и весьма несправедливо материализовалась в границах Вандеи. Во-вторых, “синий” террор имел обратные результаты.

¹⁰⁵ Proclamation du général Turreau (16.02.1794). – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 315.

¹⁰⁶ Exposé de la conduite du Conseil général de l’administration du département de la Vendée au sujet des idées préliminaires placées à la tête d’une édition de la constitution (novembre 1793). – Там же, д. 317.

¹⁰⁷ Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции, т. 5. М., 1983, с. 353, 362.

¹⁰⁸ Декрет Национального конвента о реорганизации армии, действующей в Вандее (1 августа 1793 г.). – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 253.

¹⁰⁹ Приказ и инструкция генералам главнокомандующего Западной армией генерала Тюрпо. – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 256–257.

¹¹⁰ По-французски – игра слов: Vendée (Вандея) – Vengé (Отомщенный). См.: Chassin Ch.-L. Études documentaires sur la Révolution française. La Vendée patriote: 1793–1800, t. 4. Paris, 1895, p. 179.

¹¹¹ О современных дискуссиях см.: Hussenet J. La guerre de Vendée: combien de morts? – Recherches vendéennes, № 1, 1994, Vendée, p. 39–89; № 2, 1995, Maine-et-Loire, p. 31–95; № 3, 1996, Loire-Atlantique, p. 301–366; Arches P. Guerre de Vendée et sources démographiques pendant la Révolution et l’Empire. Essai critique sur les Deux-Sèvres. – Ibid., № 4, 1997, p. 147–162; Hussenet J. La guerre de Vendée: combien de morts? – Ibid., p. 163–218.

Свидетельства современников и очевидцев в этом отношении весьма красноречивы. Хотя в Вандее и требовалось искоренить разъедающую ее язву, пожертвовать в целях радикального излечения малым кусочком незараженной материи, все произошло наоборот: “здоровые части отрезаны, зло осталось, вирус прогрессирует и новые побеги обозначили свой рост”¹¹². Карательные отряды Республики приносили с собой грабежи, поджоги, убийства и насилие¹¹³; они не обеспечивали необходимой защиты местным патриотам, не делали различия между “обездоленными” и “злонамеренными”¹¹⁴ и оттого вместо восстановления порядка, способствовали реорганизации армии Ф.-А. Шаретта. Отчаяние и озлобленность толкнули ранее лояльных к революции граждан в отряды “разбойников”! Попытки тотального искоренения зла привели к его возрождению¹¹⁵.

Жестокость, оставившая глубокий травмирующий след в психологии людей, дала удивительный шанс роялистской контрреволюции. Не имея опоры в “народе” и лишенная до 1793 г. поддержки, аристократия оказывала призрачное влияние. Восставшая и страдающая Вандея создавала уникальную возможность для использования ее в собственных целях (побережье, Англия, эмиграция). Так, сыграв на чувствах разоренных людей, они обращались к республиканцам с очевидным осуждением: “Вы предлагаете нам вернуться к нашим очагам? Но где нам взять их? Вы сожгли наши дома и перерезали наших жен и детей. Теперь вы хотите забрать наш урожай и наше оружие”. Однако цель роялистского манифеста отнюдь не восстановление справедливости: “Жить и умереть за нашу религию и нашего короля – вот наш девиз”; причиной военного противостояния называлась лишь республиканская форма правления¹¹⁶. Не удивительно, что в 1815 и 1832 гг., когда сторонники монархии пытались вновь поднять Вандею на восстание, крестьяне прогоняли агитаторов камнями и палками¹¹⁷.

Тем временем расправы республиканских генералов и представителей в миссиях все больше стали вызывать нарекания. Если еще 31 декабря 1793 г. генерал А.-Л. Бирон, бывший главнокомандующий армией в Вандее, обвиненный в измене (подразумевалась недостаточная твердость), был гильотинирован по приговору Конвента, то отныне жалобы с мест и безрезультатные зачастую порицания из Парижа иногда оборачивались отзывом особо рьяных террористов. Такая ситуация подпитывалась ожесточенной борьбой фракций в столице. 21 февраля 1794 г. Конвент заслушал донесение генерала Л.-М. Тюрро о репрессиях в западных департаментах, вызвавшее недовольный ропот “снисходительных”. Утверждая, что в Вандее вообще не осталось патриотов, рассказывая о зверствах и хитростях мятежников, Ж.-Б. Каррье, находившийся ранее с миссией в Западной армии и “прославившийся” беспрецедентными кампаниями утопления людей в Луаре близ города Нанта, энергично выступил в защиту политики террора, поддерживая также деятельность командующих, последовательно проводивших ее в жизнь¹¹⁸.

Аплодисменты депутатов и призыв к ужесточению мер встревожили правых, опасавшихся, что, вместо возврата к конституционному режиму, их ждет расправа в

¹¹² “Tableau politique de la Vendée, avant, pendant et après le passage de l’armée révolutionnaire”, adressé par la Société populaire de la Châtaigneraye à la Convention Nationale par Chapelain. – РГАСПИ, ф. 317, оп. 1, д. 318.

¹¹³ “Rélation de la conduite de l’armée révolutionnaire”, faite par Chapelain, député par la Société populaire de la Châtaigneraye près des représentants à Rochefort (09.03.1794). – Там же, д. 301.

¹¹⁴ Observations faites à Jullien par Perreau et Barbedette. – Там же, д. 299.

¹¹⁵ Observations faites à Jullien par Perreau et Barbedette. – Там же, д. 298.

¹¹⁶ Один из манифестов вандейских роялистов 2 июля II года царствования Людовика XVII (2 июля 1794 г.). – Документы истории Великой французской революции, т. 2, с. 258.

¹¹⁷ См.: *Летчфорд С.Е.* Указ. соч., с. 154–155. Режим Первой Империи во многом способствовал умиротворению Вандеи, меры правительства имели ощутимые положительные результаты. См.: *Мяжкова Е.М.* “Восстановитель, благодетель и отец Вандеи”. – Французский ежегодник 2006. Наполеон и его время. К 100-летию А.З. Манфреда (1906–1976). М., 2006, с. 146–167.

¹¹⁸ *Ловчев В.М.* Каррье в 1794 г. – Французский ежегодник 2000. 200 лет Французской революции 1789–1799. Итоги юбилея. М., 2000, с. 140–141.

тисках деспотического (робеспьеристского). Кампания против Ж.-Б. Каррье и арест Л.-М. Тюрро в сентябре 1794 г. имели целью заклеить сам принцип революционного правления. “Если Колло в Лионе, Лебон в Аррасе, Каррье в Нанте, Фукье в Париже проводили в жизнь эту систему убийств, – говорил Ж.-Б. Саладен от имени комиссии, занятой расследованием Нантских преступлений, – то теоретически ее обосновывали и давали ей импульс с этой трибуны Робеспьер, Барер, Бийо”¹¹⁹.

В мае 1794 г. власти начали политику смягчения карательных экспедиций в западных департаментах¹²⁰. Были изменены способы борьбы с Вандеей. От негодной “расы разбойников” перешли к ранее популярному образу “обманутого народа”. Поддавшись пропаганде предателей, часть областей Франции, по мнению патриотов, восстала против своей отчизны; но заговорщики разоблачены и простые люди устыдились своих действий: “они обратились с мольбой к милосердию нации, и на них стали смотреть лишь как на заблудших граждан, их преступление было забыто, и у своих братьев они нашли охрану и покровительство”. Отдавая себе отчет, что многие честные граждане, увы, побоялся броситься в распростертые объятия Республики, представители Комиссии земледелия открыто писали о жестоких мерах, “на которые правительство никого не уполномочивало”. Советуя крестьянам вернуться к своим очагам, продолжать обрабатывать поля, готовиться к уборке урожая, они многозначительно добавляли, что “правительство закрывает глаза на прошлое” (курсив мой. – Е.М.)¹²¹.

Термидорианский переворот в июле 1794 г. приостановил противостояние двух стихий – “мужиков-рыцарей” и “босоногих героев”, как говорил В. Гюго. Новая власть добилась начала переговоров, увенчавшихся подписанием перемирия в Ла Жоне 17 февраля 1795 г.¹²² Казалось, стороны готовы примириться, забыв былые обиды. Однако в который раз парадоксальное стечение обстоятельств (закономерных и случайных) помешало “растворению” вандейской “исключительности”.

С этого момента термин “Вандея” в его образно-символическом аспекте проникает на страницы республиканских изданий. Снятый с должности и посаженный в тюрьму за излишнюю жестокость генерал Л.-М. Тюрро, в качестве оправдания, наполнил свою книгу рассказами о зверствах мятежников (их он намеренно называл “вандейцами”), среди которых якобы вообще не было мирных жителей: даже женщины и дети вели истребительную войну против Республики¹²³. Мемуары, вышедшие впервые в 1795 г., вызвали критику со стороны эмиграции. Осевший в Лондоне Б. Пуарье де Бовэ выдвинул свое видение проблемы и гордо именовал себя “генералом вандейской армии”¹²⁴, нимало не смущаясь тем, что таковой армии не существовало в природе. Так, заимствовав распространенную среди оппонентов терминологию, он открыл ей путь в роялистскую среду.

Впрочем, тексты Л.-М. Тюрро и Б. Пуарье де Бовэ содержат в себе тот элемент “искренности”, который проистекает из вполне понятной “лжи самому себе”. Сами они

¹¹⁹ Цит. по: *Ловчев В.М.* Указ. соч., с. 151. По делу Ж.-Б. Каррье Конвентом была создана комиссия из 21 депутата. Ж.-М. Коло д’Эрбуа – депутат Конвента, член Комитета общественного спасения, был отправлен в Лион для подавления восстания; Г.-Ф. Ле Бон – глава революционного трибунала в Аррасе, отличался особой жестокостью; А.-К. Фукье-Тенвиль – общественный обвинитель Парижского революционного трибунала; Ж.-Н. Бийо-Варенн – депутат Конвента, член Комитета общественного спасения.

¹²⁰ Постановление Комитета общественного спасения, изменяющее способы борьбы с Вандеей (21 мая 1794 г.). – *Документы истории Великой французской революции*, т. 2, с. 257.

¹²¹ Прокламация агентов Комиссии земледелия к жителям Отомщенного департамента (б. Вандей) 21 июня 1794 г. – Там же, с. 258.

¹²² *Martin J.-Cl.* Sur le traité de paix de La Jaunaye, février 1795. Les conditions d’un compromis. – *Annales de Bretagne et des Pays de l’Ouest* (Anjou, Maine, Touraine). Rennes, 1997, t. 104, № 1, p. 73–88.

¹²³ *Turreau L.-M.* Op. cit., p. 146.

¹²⁴ *Poirier de Beauvais B.* Mémoires inédits de Bertrand Poirier de Beauvais, commandant général de l’artillerie des armées de la Vendée. Paris, 1893.

вначале не осознавали этот обман и уверовали в существование “вандейской армии”, потому что *им выгодно было поверить*. Однако в большинстве искаженных свидетельств направление ошибки почти всегда предопределено заранее: “она распространяется и приживается только в том случае, если согласуется с пристрастиями общественного мнения. Она становится как бы зеркалом, в котором коллективное сознание созерцает свои собственные черты”¹²⁵.

Став порождением обстоятельств, термин переключался на страницы научных трудов и художественных произведений. Ф. Шатобриан, О. Бальзак, В. Гюго, А. Дюма, Ж. Санд, Ж. Верн посвятили Вандее не один десяток страниц. Популяризированная в общих трудах по истории революции (А. Ламартин, Ф. Минье, А. Тьер, Ж. Мишле, Э. Кине, Л. Блан, И. Тэн), “Вандея” воспринималась впоследствии исключительно в качестве знакового понятия, обозначающего контрреволюции. Идеологический “перевертыш”, она, по мнению французского историка А. Бенджеббара, – “посмертная дочь монархии и извращенный монстр революционного идеала. Любимое дитя роялистов родилось из недр Республики; оно получило имя в купели Конституанты и обязано славой комиссарам Конвента, не ведавших, что Сен-Флоран и Шоле находились в Мен и Луаре. Монархия удочерила чужого ребенка, а Республика отреклась от существа, которому дала жизнь. Вандея – единственное событие нашей истории, для которого все еще необходимо установить законное происхождение”¹²⁶.

Подводя итог, хотелось бы кратко резюмировать описанный выше механизм, поэтапно “перемещавший” Вандейскую войну от конкретного *события* к абстрактному *образу* и далее – идеологически нагруженному *символу*.

Итак, вспыхнувшее в марте 1793 г. в ряду очень многих подобных ему крестьянских выступлений против принудительного набора в армию восстание на Западе Франции охватывало территорию четырех департаментов (Вандея, Дё Севр, Нижней Луары, Мен и Луары), на стыке границ трех прежних провинций (Анжу, Пуату, Бретань). Вандея при этом не являлась ни колыбелью мятежа (он начался повсюду почти одновременно), ни ареной его главных событий. Не идентифицировали себя с ней и сами повстанцы. Их силы (“Католическая и королевская армия”) были разделены по “географическому” признаку, не столько объединявшему усилия, сколько сеявшую соперничество и даже вражду.

На языке парижской улицы “Вандея” уже в 1793 г. означала “непримиримый враг революции”. Рождение нового понятия было тесно связано с механизмами функционирования массового сознания и формированием института общественного мнения. В сгущавшейся атмосфере шпиономании поразительная медлительность генералов и необъяснимые (часто нелепые) поражения республиканских войск немедленно обретали статус измены и предательства. Потеря столицы Вандеи, ставшей первым департаментским центром, над которым взвилось белое знамя роялизма, крепко переплелась с последовавшим через несколько дней падением жирондистов, обвиненных в развязывании гражданской войны.

Иностранная интервенция позволила монтаньярам поместить Вандею на беспрецедентном стыке внутренней (все пособники Старого порядка) и внешней (Англия) угрозы, в философски абстрактный образ абсолютного врага, контрреволюции вообще. Бросается в глаза показательность действий Конвента: в ноябре 1793 г. департамент многозначительно переименовали в Отомщенный. Обрушившийся же с востока поток “адских колонн” генерала Л. Тюрро и тактика выжженной земли сделали из региона настоящее “кладбище нации”. Это событие имело принципиальное значение. Во-первых, уничтожено было не абстрактное понятие, но конкретный департамент; во-вторых, “синий” террор дал шанс роялистской контрреволюции: ситуация благоприятствовала использованию ее в собственных целях (побережье, Англия, эмиграция).

¹²⁵ Блок М. Указ. соч., с. 53–59.

¹²⁶ Bendjebbar A. La Mythologie vendéenne. 1793–1914. – Vendée, Chouannerie, Litterature. Actes du Colloque d'Angers (12–15 décembre 1985). Angers, 1986, p. 503.

Термидорианская власть, главной целью которой провозглашался переход от чрезвычайного положения и системы террора к конституционному порядку и правосудию, резко изменила тактику. С момента перемирия в Ла-Жоне 1795 г. термин “Вандея” в его образном аспекте проникает на страницы республиканских и роялистских изданий. Их красочные описания сливались в общую картину некоего символического целого, воспринимаясь уже исключительно в качестве знакового понятия, обозначающего контрреволюцию. Объединенные силой художественного воображения, свидетельства современников создали стройный эпически, но научно ложный образ гигантского, слаженного восстания¹²⁷. Яркая эмоциональность последующих исторических и художественных произведений XIX в. (особо тяготевших в русле романтической эстетики к величественным трагическим событиям) почти полностью лишили Вандейскую войну научного осмысления, закрепив в общественном мнении идеологему о ее контрреволюционности.

¹²⁷ *Martin J.-Cl.* La Vendée, région-mémoire. – Les lieux de Mémoire. Sous la dir. de P. Nora, t. 1. Paris, 1984, p. 595–610.